

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 947

А.И. Бакшеев

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИБИРИ ПЕРИОДА НЭПА

В статье рассматриваются исторические и социальные проблемы новой экономической политики в Сибири. Политический курс, заданный большевиками, теоретически сориентированный на всеобъемлющую демократию и действительное народовластие, на практике допускал серьезные погрешности, вследствие чего расширение социального содержания субъективного права граждан на непосредственную демократию носило двойственный характер.

Главное внимание уделяется народным ожиданиям, настроениям и степени их отражения в региональной и управленческой политике в этот период.

Ключевые слова: *Сибирь, новая экономическая политика, начало, проблемы, народные ожидания и настроения, управление регионом.*

A.I. Baksheev

THE SOVIET DEMOCRACY PROBLEMS IN SIBERIA IN NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

The historical and social issues of the new economic policy in Siberia are considered in the article. The political course, set by bolsheviks, was theoretically orientated on all-embracing democracy and real democracy, but in practice it admitted serious drawbacks. Because of that the expansion of citizen subjective right social maintenance for direct democracy had dual character.

The main attention is given to the people's expectations, attitudes and the degree of their reflection in the regional and management policy at that period.

Key words: *Siberia, new economic policy, beginning, problems, people expectations and attitudes, region management.*

Истории новой экономической политики посвящена огромная литература, в том числе и историографическая. В связи с этим нет надобности повторения уже сказанного. Вместе с тем, необходимость изучения новой экономической политики (нэпа) как модели реформирования переходного общества со своими особенностями, в том числе региональными, вызвана недостатком комплексных исследований по этой важной проблеме.

Между тем социальная, экономическая, политическая история периода новой экономической политики – один из концептуально важных и сложных вопросов современной историографии. Обращение к опыту нэпа отечественных и зарубежных исследователей на протяжении многих лет является показателем актуальности проблемы.

В результате октябрьского переворота 1917 года в России были ликвидированы институты репрезентативной демократии, сложившиеся к этому времени, и создана новая модель политического представительства в лице Советов.

Социализм в идеале был призван решить проблему социальной справедливости, всеобщего равенства и действительного народовластия, поэтому социалистическому обществу была по определению присуща ориентация на максимально полную и всеобъемлющую демократию.

В этой связи, в рамках советской системы участие личности в осуществлении непосредственной прямой демократии получает широкое распространение.

Поэтому в представленной статье анализу подвергается проблема взаимодействия власти и общества Сибири, принципы выстраивания взаимоотношений между ними. Рассматриваются эволюционные особенности реализации кооперативной политики краевыми органами власти.

Новая экономическая политика на протяжении 1921–1929 гг., как мне представляется, не соответствовала ожиданиям и настроениям большинства сибиряков. Колчаковский режим также не пользовался поддержкой значительной части населения: рабочие в городах бастовали и восставали, крестьяне вели партизанскую войну и освобождали целые районы.

Однако следом за победной эйфорией стало быстро приходить социальное разочарование большинства жителей Сибири. Такое разочарование оказалось обоюдным. Москва ждала быстрого поступления сибирского хлеба, мяса и масла. Для этого Центр не останавливался перед сохранением здесь таких жестких антидемократичных структур периода военного коммунизма, как, например, Сибревком.

А сибиряки хотели экономической и политической свободы. К тому же с 1917 году они вообще отвыкли от каких-либо налогов. Российская ментальность весьма плохо увязывается с понятием государственных налогов, поскольку русские, российские люди считают себя «людьми государевыми», а государевы служащие налогов не платят. Такова была психология российского и особенно сибирского мужика в тот период.

27 марта 1921 года Сиббюро ЦК РКП(б) принимает постановление об отношении к крестьянству в связи с решениями X съезда партии: теперь ударной задачей являлось разъяснение массам нового отношения партии к крестьянству. Предполагалось узнавать у губкомов РКП(б) о настроении сибиряков и информировать об этом центр [7, с. 341].

Следует учесть, что после Гражданской войны сельское хозяйство переживало глубокий кризис. В Сибири он был гораздо глубже и дольше, чем в Европейской России. Посевные площади здесь составляли в 1921 году 4/5 от уровня 1913 года. Значительно изменилась структура посевов. Удельный вес основных товарных культур в Сибири – пшеницы и овса – понизился, а проса и огородных культур повысился. Валовые сборы зерновых культур резко снизились.

В состоянии упадка находилось и животноводство. В 1922 году общее количество скота в Сибири уменьшилось по сравнению с 1916 годом примерно на 1/4 часть. Основная товарная отрасль сельского хозяйства Сибири – маслоделие – оказалась полностью разрушенной. Заготовки масла сократились более чем в 13 раз [3, с. 177].

Постановления, одобряющие новую экономическую политику, принимались весной-летом 1921 года на уездных и губернских партийных конференциях. Однако среди некоторой части работников партийного и советского аппарата обнаруживались колебания. О них говорил секретарь Сиббюро И.И. Ходоровский на Сибирской партконференции в августе того же года. Докладчик разъяснял, что острые формы классовой борьбы, кулацкий бандитизм, колебания среднего крестьянства в Сибири требуют еще более настойчивого и последовательного проведения новой экономической политики, чтобы добиться дальнейшего укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Именно в этом видело свою главную задачу Сиббюро ЦК РКП(б).

«Однако, – заявлял Ходоровский, – кое-кто из коммунистов склонен понимать новую экономическую политику как уступку кулаку, как нечто такое, что обрекает на гибель бедноту» [11, с. 109].

Оказались такие и среди делегатов конференции. Конференция осудила антиэнэповские выступления и приняла постановление, в котором полностью одобрялись решения X съезда партии и работа Сиббюро ЦК РКП(б) по претворению в жизнь генеральной линии Коммунистической партии.

Важно отметить, что во многих районах Сибири в 1921–1922 гг. сохранялась практически военная обстановка в связи с восстаниями крестьян и казаков, а затем массовым бандитизмом разных цветов и оттенков. Сибирские коммунисты привыкли к выполнению боевых приказов: так они и восприняли решения X съезда РКП(б) и последующие шаги энэпа.

Историк В.И. Шишкин отмечает, что в конце 1919 – начале 1921 гг. Сибревком действовал как революционный орган. В атмосфере продолжавшейся гражданской войны он всем своим авторитетом утверждал в Сибири революционную советскую власть. В этот период в работе Сибревкома в силу объективных обстоятельств общегосударственные задачи преобладали над местными: борьба с русской и иностранной контрреволюцией поглощала все его силы [11, с. 112].

О значении Сибревкома свидетельствует следующий факт. 31 мая 1921 года заместитель председателя Сибревкома С.Е. Чуцаев в докладе на сессии ВЦИК подчеркнул, что в тех областях

деятельности, которые находились в непосредственном ведении Сибревкома, достигнут больший успех, чем в тех, где преобладало влияние местных органов [9].

Во второй половине 1922 – начале 1923 г. состоялись губернские съезды Советов Сибири: в июле 1922 г. – Алтайский, в сентябре Енисейский и Омский, в октябре – Томский, в ноябре – Семипалатинский, в январе 1923 г. – Иркутский. Большинство делегатов на губернские съезды избиралось на волостных и уездных съездах, значительная часть их направлялась городскими советами. В работе съездов приняли участие представители главного сибирского партийного органа – Сиббюро ЦК РКП(б), а также Сибревкома, губернских партийных, советских и профсоюзных управленческих органов.

Советизация местного самоуправления вместо сугубо ревкомовских методов больше соответствовала интересам сибиряков. Она подготовила постепенно условия для принятия и последующего развития нэпа в Сибири.

Введение нэпа потребовало реализации экономических способов управления, что ударило по интересам коммунистических управленцев, отстранило значительную их часть от гарантированных пайков и бесплатного обеспечения.

Историк М.Д. Северьянов пишет, что при переходе к нэпу, особенно в связи с введением теперь хозяйственного и коммерческого расчетов на предприятиях, образования местных бюджетов для обслуживания нужд населения, государственный аппарат был значительно сокращен.

Так, в Алтайской губернии с января 1921 года по октябрь 1923 года аппарат Губернского отдела народного образования сократили с 556 до 40 человек, Губсовнархоза – с 837 до 47, Губисполкома – с 4018 до 1248; Бийского исполкома – с 487 до 60 человек и т.д. [6, с. 120].

Эта политика, безусловно, являлась правильной. Так как аппарат губнаробаза имелся, а вот образование в начале нэпа отсутствовало. Не хватало самой элементарной буржуазной культуры. Примерно то же происходило и в других отраслях народного хозяйства: комиссары были, а позитивной деятельности не хватало.

С 1921 по 1923 год аппарат Омского ГСНХ сократился с 20 отделов до 3, служащих с 1624 до 33. В сентябре 1921 года в ведении этого ГСНХ оказались 363 предприятия с 12444 работниками. В 1923 году осталось 128 предприятий и 2726 работников. Енисейский губсовнархоз сократил аппарат с 1500 до 50 человек; штат милиции в Енисейской губернии сократили с 3000 до 1000; Енгубсоюз кооперативов – с 2600 до 531 служащего [8].

Все эти огромные бюрократические штаты перед началом нэпа расплодился за один год во всех сибирских городах. Это была на деле псевдокоммунистическая, бюрократическая и распределительная реальность. Только уже почти нечего оказалось в итоге «распределять», даже между своими. В этой обстановке партийные организации коммунистов в Сибири стремились выявить своих потенциальных противников, уничтожить их политически, морально, а при удобном случае и физически. Их социально-политические интересы игнорировались.

Историк А.В. Добровольский пишет, что к началу 1922 года Иркутский губком социалистов-революционеров почти в полном составе находился в тюрьме, а партийное руководство осуществляло Временное губбюро. Тогда заметным событием политической жизни стали выборы депутатов в Иркутский горсовет. Как отмечалось в одной из оперативных чекистских сводок: «к выборам в горсовет рабочие массы отнеслись индифферентно, но почти во всех районах выступали под видом беспартийных эсеры и меньшевики, выставляли свои кандидатуры». Против этих кандидатур рабочие не возражали [2, с. 11–12].

По агентурным данным ГПУ, в начале февраля 1922 года численность Иркутской городской организации эсеров составляла около 150 человек, активно работал примерно каждый пятый из них. Здесь, в Иркутске, однопартийцы обсуждали статью В. Чернова «Основные мотивы гильдейского социализма», повсюду распространяли резолюции X Совета партии социалистов-революционеров по экономической политике, о работе в деревне и другие.

В соответствии с решениями X Совета при эсеровском губкоме организовали центральные группы рабочих, действовала молодежная секция. Вместе с меньшевиками эсеры продолжали занимать ответственные должности в системе кооперации: в ИрПО, Сибдальвнешторге. Заметное влияние эсеров наблюдалось и в целом по Иркутской губернии, особенно в Черемхово и Бодайбо. Среди рабочих распространялись правозесеровские газеты, шла открытая агитация на собраниях и конференциях.

Продовольственный кризис на Хайтинской фабрике (Зиминский уезд) эсеры также удачно использовали для усиления своего влияния на фабком [4, с. 117–118].

С эсерами и меньшевиками не церемонились по всей Сибири. В декабре 1921 года Енисейская губернская ЧК арестовала 27 эсеров-максималистов Канской организации. Они в течение прошедшего года развернули бурную политическую деятельность не только в уезде, но и по всей губернии. Их лидеры, Лобов, Зверев, Долгоруков, открыто выступали на всевозможных собраниях и конференциях, проводили тайные совещания с членами организаций, распространяли листовки и воззвания.

В одной из сводок чекисты сообщали: «В районе Иланской, Тисской и Тайшета открыто распространяется максималистская литература, она с большим интересом расхватывается и читается крестьянами. Это делают и некоторые члены РКП(б), попавшие под влияние эсеров. Особо отмечалось серьезное воздействие социалистов-революционеров на красноармейцев 228 полка во главе с их командиром» [5, с. 60].

В Новониколаевске основные силы эсеров группировались вокруг Сиботделения Центросоюза. Во главе ведущих отделов Сибцентросоюза оказались видные эсеры: отдел сырьевых заготовок и отдел пушнины возглавляли Д.Н. Новицкий и К.Л. Бреде, там же ответсекретарем работал М.С. Кожухов. Отделом внутренней торговли заведовал меньшевик С.Е. Пузырев [5, с. 62].

Главным в деятельности государственных органов в Сибири был сбор продналога с крестьян, фактически напоминавший сбор продразверстки.

Согласно «Приказу №100» Сибпродкома от 10 ноября 1922 года весь партийно-советский актив, сопротивляющийся сдаче налога, безоговорочно должен был предаваться суду. Войскам предписывалось «заставить трепетать» перед налоговыми обязательствами всех и вся до тех пор, пока все волости не сдадут 100% не только одного налога, но и всех прочих налоговых сборов.

Воинским частям, находящимся на продработе, въезжающим в волость, село, «видеть в нем противника и к таковому населению применять все средства вооруженного нажима, кроме расстрела (обхват села, оцепление собраний, военное положение, принуждение выносить зерно под винтовкой, военный режим, набег ночью и другие крутые меры, кроме телесного наказания)» [5, с. 63].

Ретивые исполнители приказов должны были создать такую обстановку, чтобы волости, села и все жители их в целом, думали только о сдаче продналога. А этого можно достигнуть путем создания в каждом селе квартальных, районных, сельских продовольственных и воинских штабов и проведения через них соответствующего нажима.

Штабы выполняли роль «ежовых рукавиц», «работали» с уклоняющимися неплательщиками в целях внушения «панического ужаса» преимущественно ночью. Каждое село превращалось в концентрационный лагерь: проводилась поголовная опись имущества, опечатывались хлебопродукты, запрещалось есть хлеб, закрывался размол муки на мельницах, вводилась полная голодовка, полностью прекращалась всякая торговля.

После ареста неплательщика надо было «добиться чем и как угодно, чтобы семья вывезла тот час же все 100% налога, и чтобы пустых арестов не было». Вся эта «деятельность» оправдывалась «интересами Республики», «требованиями государства».

Давление сверху подстегнуло репрессивную инициативу, широко применялась такая форма нажима на крестьян, как постановка войск на постой в волостях, плохо выполнявших налог. 4 октября 1925 года поступивший в распоряжение заместителя губпродкомиссара Д.П. Зверева 1-й отдельный кавалерийский эскадрон 29-й стрелковой дивизии под руководством командира Волжского получил приказ встать на постой в Благовещенской волости Славгородского уезда Омской губернии, не до конца сдавшей продналог.

Помимо ее, подразделения эскадрона содействовали сбору налога в Шимолинской, Леньковской, Разумовской и ряде других волостей. Средства на содержание эскадрона взымались с каждого налогоплательщика вплоть до полного выполнения налога. Население Хортицкой, Подсосновской, Орловской и Ново-Романовской волостей Славгородского уезда активно побуждал к сдаче хлеба кавалерийский взвод под командованием Игнатьева. 16 октября 1925 года по приказу Д.П. Зверева взвод выступил из Славгорода в Карасук и осуществил на налогоплательщиков «демонстративный нажим». «Поход» взвода финансировался за счет крестьян [5, с. 65].

Здесь можно говорить о конфликте между сибирскими «верхними» властями, еще сибревкомовскими, чрезвычайными, и местными, выборными советскими. Последние отражали или, во всяком случае, старались отражать социальные интересы крестьян, выбравших их.

В ноябре-декабре 1925 года в Славгородском уезде произошло дальнейшее усиление репрессий. Продрработниками на местах широко практиковались избиения и пытки. 10 ноября 1925 года уездная оперативная продналоговая тройка отдала приказ о применении чрезвычайных террористических методов для взимания налога, который даже Сиббюро ЦК РКП(б), заинтересованное в активном и как можно более полном сборе хлеба, расценило как вполне преступный.

И все же репрессии и вооруженный нажим сделали свое «дело». К началу января 1926 года налоговое задание Славгородским уездом в целом оказалось выполненным. Только 4 января 1926 года Славгородская уездная оперативная продтройка приняла наконец-то решение прекратить репрессировать население ввиду скорого завершения налоговой кампании [5, с. 67].

Модернизировать бюрократический аппарат советской сибирской власти оказалось практически очень затруднительно. В него пришло много выходцев из гражданской войны и революции, которые нуждались в хлебных местах, но как следует ничего делать не умели. Инспекция (РКИ), которая их проверяла, являлась такой же однотипной по своему составу. Контроль профсоюзов в основном также сводился к бюрократической переписке.

Центр продолжал руководить Сибирью и ее губерниями с помощью приказов, требовал сложных отчетов, сковывал инициативу, вмешивался в мельчайшие детали. К тому же несвоевременно приходили из Москвы разъяснения по применению новых декретов, которые часто противоречили старым.

Главная проблема заключалась в том, что новая советская система коммунистической партийной диктатуры в центре и в Сибири строилась по принципу бюрократического муравейника. Знаменитые ленинские слова об учете и контроле породили десятки тысяч мелких, средних и крупных чиновников советской формации. Бюрократия, которой вообще противопоказана какая-либо модернизация, в начале 20-х гг. только зарождалась, но уже начала воспроизводить сама себя.

В это время экономические методы управления в Сибири тесно переплетались с чрезвычайными.

Коммунисты Сибири пытались затушевать свои политические ошибки, сваливая все на подрывные дела эсеров. В начале 1922 года агитпропотдел Енгубка РКП(б) выпустил листовку «Социалисты-революционеры перед пролетарским судом». В ней представлен полный перечень явных и мнимых эсеровских грехов [10].

В секретной сводке по Красноярскому уезду в мае 1922 года сообщалось, что в 1921 году и начале 1922 года продотряды беспощадно изымали хлеб сверх всяких норм. Но, несмотря на это, антисоветские настроения крестьян оперативники объясняли воздействием эсеров и меньшевиков, которых никак не удастся выследить и обезвредить [1].

В целом в начале новой экономической политики в Сибири социальные интересы населения получили более широкое отражение в управленческой политике новой власти. Развивалась частная торговля, несколько улучшилось за счет этого снабжение городов продовольствием и крестьян товарами.

Вчерашние партизаны, красные командиры, политработники учились управлять регионом в новых мирных условиях, во много раз для них более сложных, чем период непосредственных боевых действий. Они были крайне возмущены наступлением эппманов, шикарными магазинами и ресторанами, где с них требовали огромные деньги. Те самые, которые они собирались отменить. Часто эти руководители срывались на военные методы руководства. Да и Сибревком оставался чрезвычайным органом, для которого интересы Центра были выше интересов сибиряков.

Подводя итог вышесказанному, можно, как мне представляется, со всей определенностью констатировать, что ряд проблем истории Российской империи (в частности, роль и место монархической идеи в общественном сознании, динамика монархических настроений россиян) нуждается в серьезном дополнительном изучении.

Не всегда соответствуют исторической правде и требуют детального изучения с использованием новых архивных документов выводы советской и российской историографии об отторжении монархического идеала российским обществом уже в XIX в., о преобладании радикальных революционных устремлений в широких слоях народа, требуют уточнения личностные характеристики самодержцев и государственных деятелей, занимавших консервативные позиции.

Литература

1. ГАКК, Ф. Р-893. Оп.1. Д.258. Л.106.
2. Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов (1921–1923 гг.). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. – С. 11–12.
3. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Сибирь в период строительства социализма. – Л.: Наука, 1968. – Т. 4. – С.177.
4. Исупов В.А., Кузнецов И.С. История Сибири. – Ч. III. Сибирь: XX век. – С.117–118.
5. Савин А.И. Кампания по сбору единого натурального налога 1922–1923 гг. в Сибири: «Славгородское дело» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – №2. – С.60, 62, 63, 65, 67.
6. Северьянов М.Д. НЭП и современность: полемические заметки. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1991. – С.120.
7. Сибирский революционный комитет (Сибревком) август 1919 – декабрь 1925: сб. докл. и мат-лов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1959. – С.341.
8. ЦДНИИО. Ф.1. Оп.1. Д. 967. Л. 26
9. ЦХИДНИ КК. Ф.1. Оп.1. Д.141. Л.107.
10. ЦХИДНИ КК. Ф.64. Оп.2. Д.11. Л.1-2.
11. Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 109, 112.

УДК 008:78.07

Т.С. Стенюшкина

НАРОДНО-ПЕВЧЕСКОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО КАК ОСОБЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению специфики народно-певческого исполнительства как вида совместной деятельности, в основу которой положены мировоззрение, ценности, нравственный опыт прошлых поколений.

Выделены виды и уровни исполнительской деятельности.

Ключевые слова: деятельность, народно-певческое исполнительство, культура, деятельностьная концепция, традиция.

T.S. Stenyushkina

FOLK-SINGING PERFORMING AS THE SPECIAL KIND OF ACTIVITY

This article is devoted to the analysis of the specific character of folk-singing performing as a kind of group practice. The basis of this group practice is world outlook, cultural and moral values of past generations.

Kinds and levels of performing activity are distinguished.

Key words: activity, folk-singing performing, culture, practice conception, tradition.

Вступая в жизнь, человек сталкивается со сложившейся системой мировоззрений, отношений, ценностей, которые стали результатом деятельности предшествующих поколений. Включаясь в эти отношения, новое поколение при помощи своей деятельности их переосмысливает, обновляет, делает актуальными и понятными для себя. **Деятельность** – это форма проявления социальной активности человека, через которую он вступает в определенные связи и отношения с действительностью, при этом изменяя себя, свой внутренний мир и реализуя потребности. Деятельность связана с использованием в общении языка, ценностей и норм, наличием прошлого опыта, потребностей, целей и мотивов.